

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ ХРИСТИАНСКОГО СИМВОЛИЗМА	16
ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ МАСТЕРА-СИМВОЛИСТА	17
ПРЕДТЕЧИ СИМВОЛИЗМА ШАРБОННО-ЛАССЭ В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ КРУГАХ	21
«ФИЗИОЛОГ» – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК «БЕСТИАРИЯ ХРИСТА». ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА	26
ПРЕДИСЛОВИЕ	31
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ВВЕДЕНИЕ	33
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗАРОЖДЕНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИМВОЛИКИ И ЭМБЛЕМАТИКИ В ЦЕРКВИ	35
ГЛАВА ВТОРАЯ. ИСТОЧНИКИ ХРИСТИАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКИ	41
I. ДОХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИГИИ	41
II. СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ ДВУХ ЗАВЕТОВ.	41
III. КНИГИ ДРЕВНИХ НАТУРАЛИСТОВ.	42
IV. ГНОСТИКИ.	44
V. ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	46
VI. ПЕРВЫЕ ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ	49
VII. НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ.	49
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ХРИСТИАНСКАЯ ЭМБЛЕМАТИКА И ИСКУССТВА В ПРОШЛЫЕ СТОЛЕТИЯ	51
I. УВЕКОВЕЧЕНИЕ АНТИЧНЫХ ФОРМ В ХРИСТИАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКЕ	51
II. ПОСТОЯНСТВО ПРАВИЛ В ИСПОЛНЕНИИ ЭМБЛЕМ	52
III. УДАР, НАНЕСЕННЫЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКЕ ДУХОМ РЕНЕССАНСА	54
ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ЧЕТЫРЕ «ЖИВОТНЫХ» ВИДЕНИЙ ИЕЗЕКИИЛЯ И СВЯТОГО ИОАННА	57
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЧЕТЫРЕ ЖИВОТНЫХ ТЕТРАМОРФА: ЧЕЛОВЕК, ЛЕВ, ТЕЛЕЦ И ОРЕЛ	59

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЛЕВ	62
МОРСКОЙ ЛЕВ И МАНТИКОРА	62
I. ЛЕВ В СИМВОЛИКЕ ДОХРИСТИАСКИХ КУЛЬТОВ 6	2
II. ЛЕВ, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ И ВОСКРЕСШЕГО ХРИСТА	65
III. ЛЕВ, БИБЛЕЙСКАЯ ЭМБЛЕМА СМЕРТИ ИИСУСА ХРИСТА	68
IV. ЛЕВ, ЭМБЛЕМА ДВУХ ПРИРОД ИИСУСА ХРИСТА	69
V. ЛЕВ, ЭМБЛЕМА ЗНАНИЯ ИИСУСА ХРИСТА	70
VI. ЛЕВ, ЭМБЛЕМА БДИТЕЛЬНОСТИ ХРИСТА	70
VII. ЛЕВ, НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ЭМБЛЕМА ЛИЧНОСТИ ИИСУСА ХРИСТА	72
VIII. ЛЕВ, ЭМБЛЕМА БОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА	76
IX. ЛЕВ И ЛЮБОВЬ	77
X. ЛЕВ, ВЫРАЖАЮЩИЙ ЖИЗНЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ	79
XI. МИСТИЧЕСКИЙ ЛЕВ В БЛАГОРОДНОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ	79
XXI. ЛЕВ, ЭМБЛЕМА САТАНЫ, ПОРОКОВ И ЕРЕСИ	81
XIII. СКАЗОЧНЫЕ ЛЬВЫ – АНТИТЕЗЫ МИСТИЧЕСКОМУ ЛЬВУ; МОРСКОЙ ЛЕВ, МАНТИКОРА	83
ШЕСТАЯ ГЛАВА. ТЕЛЕЦ. МОЛОХ И МИНОТАВР	86
I. ЖИВОТНЫЕ ВСЕСОЖЖЕНИЯ	86
II. ТЕЛЕЦ В ДОХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТАХ	88
III. ОТЕЦ СТАДА	94
IV. ТЕЛЕЦ В ХРИСТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКЕ	96
V. ТЕЛЕЦ, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	99
VI. АНТИТЕЗЫ ТЕЛЬЦА – МОЛОХ И МИНОТАВР	100
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФОРМА АНГЕЛА	10
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФОРМА САТАНЫ	102
I. АНГЕЛ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	102
II. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФОРМА, СООТВЕТСТВУЮЩАЯ АНГЕЛУ В ТЕЧЕНИЕ СТОЛЕТИЙ	104
III. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФОРМА САТАНЫ	106
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ОРЕЛ	107
I. ОРЕЛ В БИБЛЕЙСКИХ ВИДЕНИЯХ	107
II. ОРЕЛ В ДРЕВНЕМ ЯЗЫЧЕСТВЕ	107
III. ОРЕЛ, ЭМБЛЕМА ТРИУМФА ИИСУСА ХРИСТА	110

IV. ОРЕЛ, ЭМБЛЕМА ХРИСТА – ПРОВОДНИКА ДУШ К БОГУ	111
V. ОРЕЛ, НЕСУЩИЙ ОГОНЬ – ПИРОФОР (PYROPHORE)	114
V. ОРЕЛ, ЭМБЛЕМА СРАЖАЮЩЕГОСЯ ХРИСТА	115
VII. ОРЕЛ, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТА И ВОСКРЕШЕНИЯ ХРИСТИАНИНА	117
VIII. ОРЕЛ И ЖИЗНЬ	118
IX. ОРЕЛ, ЭМБЛЕМА БОЖЕСТВЕННОЙ МИЛОСТИ И ПРАВОСУДИЯ	119
X. ОРЕЛ, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА	121
XI. СИМВОЛИЗМ ОРЛА В ТЕЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДАЛЕЕ	123
XII. ОРЕЛ, ЭМБЛЕМА САТАНЫ, АНТИХРИСТА	124
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ТЕТРАМОРФ	127
I. АСПЕКТ ТЕТРАМОРФА	127
II. ТЕТРАМОРФ, ЧЕТВЕРИЧНАЯ ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	129
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. О НЕКОТОРЫХ ЧАСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА	131
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ	133
I. СИМВОЛИКА СЕРДЦА У ДРЕВНИХ.	133
II. ИДЕЯ СЕРДЦА БОГА У ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН	136
III. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ, ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СЕРДЦА ИИСУСА ХРИСТА	137
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ УСТА	142
I. У ДРЕВНИХ	142
II. ХРИСТОС, БОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО	143
III. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЯЗЫКА И УСТ	145
IV. ЯЗЫК ПЛАМЕНИ, ЭМБЛЕМА СВЯТОГО ДУХА	147
V. ЯЗЫК В СВОЕЙ РОЛИ ИНФЕРНАЛЬНОЙ ЭМБЛЕМЫ	148
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РУКА	150
I. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ РУКА ПЕРЕД ХРИСТИАНСТВОМ	150
II. РУКА В ХРИСТИАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКЕ.	155
III. ОБРЯД ВОЗЛОЖЕНИЯ РУК	158
IV. БЛАГОСЛОВЛЯЮЩАЯ РУКА И ВСЕМОГУЩАЯ РУКА ХРИСТА	159
V. ПЕРСТ БОЖИЙ	161
VI. ПРОКЛЯТАЯ РУКА	162

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. РУКА ПРАВОСУДИЯ САМОДЕРЖЦЕВ И ПЕРЧАТКИ ПОНТИФИКОВ	163
I. РУКА ПРАВОСУДИЯ САМОДЕРЖЦЕВ	163
II. ПОНТИФИКАЛЬНЫЕ ПЕРЧАТКИ	165
ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ	169
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. БЫК	171
БЫК, СИМВОЛ ХРИСТА	171
БЫК – ЭМБЛЕМА СВЯТОЙ ДУШИ	173
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ТЕЛЕНОК	174
I. ТЕЛЕНОК В ДОХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТАХ	174
II. ТЕЛЕНОК В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	175
III. РИТУАЛЬНЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ	178
IV. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ТЕЛЕНОК В СВОИХ ЗЛЫХ АСПЕКТАХ	179
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ТЕЛИЦА И КОРОВА	181
I. БИБЛЕЙСКАЯ ЖЕРТВА И ЕЕ ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛИЗМ	181
II. ОБЩИЙ СИМВОЛИЗМ КОРОВЫ	182
III. ЗЛЫЕ АСПЕКТЫ СИМВОЛИЗМА ТЕЛИЦЫ И КОРОВЫ	184
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ОБЫКНОВЕННЫЙ БАРАН	185
I. БАРАН В ДОХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТАХ	185
II. ОВЕН В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ: ЭМБЛЕМА ЛИЧНОСТИ ПАСТЫРЯ ХРИСТА	188
III. ОВЕН, ЭМБЛЕМА ДУХОВНОГО ОТЦОВСТВА ХРИСТА	190
IV. ОВЕН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА В СИЛЕ И ТОРЖЕСТВУЮЩЕГО	192
ОВЕН, ЭМБЛЕМА БОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА	193
ОВЕН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, СВЕТ МИРА	194
V. ОВЕН, ЭМБЛЕМА ИСКУПИТЕЛЯ	195
VI. ОВЕН, ЭМБЛЕМА РАДОСТИ ПРАВЕДНИКОВ	197
VII. ОВЕН, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА	198
ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА. БАРАН–МУФЛОН	200
МУФЛОН В РЕЛИГИОЗНОЙ АРХЕОЛОГИИ	200

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ОВЕН ФРИКСА И ЕГО ЗОЛОТОЕ РУНО	202
I. ГРЕЧЕСКИЙ МИФ	202
II. ЗАИМСТВОВАНИЕ МИФА О ЗОЛОТОМ РУНЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА	203
III. ОВЕН ФРИКСА, ЭМБЛЕМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ	205
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. АГНЕЦ	206
I. АГНЕЦ, ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	206
II. АГНЕЦ И ЕВХАРИСТИЯ	212
III. ХРИСТОС–АГНЕЦ И СВЕТ	216
IV. АГНЕЦ И ЧИСТОТА	217
V. ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ АГНЕЦ	218
VI. ГОСПОДСТВУЮЩИЙ АГНЕЦ	220
VII. БОЖЕСТВЕННЫЙ АГНЕЦ, УВЛЕКАЮЩИЙ ДУШИ	222
VIII. АГНЕЦ, ЭМБЛЕМА ВЕРНОГО ХРИСТИАНИНА	224
IX. АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ АНТИТЕЗЫ БОЖЕСТВЕННОГО АГНЦА, РОГАТЫЕ ЧУДОВИЩА	225
X. КАБАН, ДРУГАЯ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА АГНЦА	225
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ОВЦЫ	228
I. ОВЦЫ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	228
II. ОВЦА, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА	229
III. ЁЖ, ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА ОВЦЫ	230
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. КОЗЕЛ	233
I. РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОШЛОЕ КОЗЛА У ДРЕВНИХ	233
II. КОЗЕЛ, ЭМБЛЕМА СПАСИТЕЛЯ, ПРЕДАННОГО СМЕРТИ, КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ	234
III. ЗАПАХ КОЗЛА, КОЗЕЛ – ЭМБЛЕМА ПЛОХОГО ХРИСТИАНИНА	237
IV. КОЗЕЛ, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	238
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. КОЗЛЕНОК	240
I. РЕЛИГИОЗНАЯ РОЛЬ КОЗЛЕНКА В ДОХРИСТИАНСКИЕ ВРЕМЕНА	240
II. В ХРИСТИАНСТВЕ: КОЗЛЕНОК, ЭМБЛЕМА ВОПЛОЩЕННОГО ХРИСТА	241
III. КОЗЛЕНОК, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, СУЩЕСТВУЮЩЕГО В ЧЕЛОВЕКЕ	242
IV. ЗАПАДНАЯ ЛЕГЕНДА О КРОВИ КОЗЛЕНКА	242
V. КОЗЛЕНОК, ОБРАЗ ГРЕШНИКА	243

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КОЗА	244
I. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КОЗЫ	244
II. КОЗА, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	245
III. КОЗА, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАИНА	248
IV. КОЗА И КОЗЕЛ В ГЕРАЛЬДИКЕ	249
V. КОЗА, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	250
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. МОЛОКО	252
I. МОЛОКО И МАСЛО У ДРЕВНИХ	252
II. МОЛОКО В СИМВОЛИЗМЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАНСКИХ СТОЛЕТИЙ; СОСУД С МОЛОКОМ; ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНСКОЙ ДОКТРИНЫ И ЕЕ СОЗДАТЕЛЯ	253
III. МОЛОКО, ЭМБЛЕМА ЕВХАРИСТИИ	254
IV. ИНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ МОЛОКА	257
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ПАСТЫРЬ ХРИСТОС	
ПАСТЫРСКИЕ КУВШИН И ПОСОХ	258
I. ПАСТЫРЬ	258
II. ПАСТЫРСКИЙ ПОСОХ	261
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ЛОШАДЬ	264
I. ЛОШАДЬ В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ	264
II. СВЯЩЕННАЯ ЛОШАДЬ У ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ	266
III. ЛОШАДЬ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	269
IV. КОНИ И ВСАДНИКИ БИБЛЕЙСКИХ ВИДЕНИЙ	272
V. АНАМЕЛЕХ ГЕРМЕТИЗМА	275
VI. БУЦЕФАЛ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО	276
VII. ЛОШАДЬ, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА	277
VIII. ЛОШАДЬ, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	279
IX. ТАЛИСМАННАЯ КОНСКАЯ ПОДКОВА	281
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. ОСЕЛ	283
I. ОСЕЛ У ДРЕВНИХ	283
II. ОСЕЛ В БИБЛИИ	284
III. ОСЕЛ В ХРИСТИАНСТВЕ ПЕРВЫХ СТОЛЕТИЙ	284
IV. ОСЕЛ У ОФИТОВ	288

V. ОСЕЛ В ЛИТУРГИЯХ СРЕДЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ	288
VI. СИМВОЛИЗМ ОСЛА В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ	290
VII. ОСЛИНАЯ ЧЕЛЮСТЬ, СТАВШАЯ ОРУЖИЕМ ДЛЯ САМСОНА	292
VIII. ОСЕЛ-МУЗЫКАНТ, ЭМБЛЕМА НЕЛЕПОСТИ	293
IX. ОСЕЛ В ЭМБЛЕМАТИКЕ ЗЛА	295
ПЯТАЯ ЧАСТЬ. ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ	297
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ДИКИЙ ОСЕЛ	299
I. ДИКИЙ ОСЕЛ (ОНАГР) В ПРИРОДЕ И У ДРЕВНИХ	299
II. ДИКИЙ ОСЕЛ В БИБЛЕЙСКИХ КНИГАХ	300
III. ОНАГР В ЛИТЕРАТУРНОМ СИМВОЛИЗМЕ ХРИСТИАНСТВА	301
IV. ОНАГР В ХРИСТИАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ	302
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. ОЛЕНЬ	303
I. ОЛЕНЬ, ЭМБЛЕМА СРЖАЮЩЕГОСЯ ХРИСТА	303
II. ОЛЕНЬ В АНТИЧНЫХ МИСТЕРИЯХ, ТЩЕТНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И СУЕВЕРИЯ	307
III. ОЛЕНЬ И СВЕТ	310
IV. ЧУДЕСНЫЕ ОЛЕНИ ЛЕГЕНДАРНЫХ ОХОТ	312
V. ОЛЕНЬ И ЕРЕСЬ	315
VI. ОЛЕНЬ, ГАЛЛЬСКАЯ ЭМБЛЕМА ИЗОБИЛИЯ	315
VII. ОЛЕНЬ И ЖИЗНЬ	317
VIII. ОЛЕНЬ, ЭМБЛЕМА АПОСТОЛОН	318
IX. ОЛЕНЬ, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНСКОЙ ДУШИ; ПЫЛКАЯ ЖАЖДА ОЛЕНЯ	318
X. ОЛЕНЬ И ЕВХАРИСТИЯ	320
XI. АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ «ПРЕСЛЕДОВАНИЯ» ОЛЕНЯ	321
XII. ИНЫЕ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОЛЕНЯ – ВЕРНОГО	322
XIII. АПТАЛОС-ТРАГЕЛАФОС, АНТИТЕЗА МИСТИЧЕСКОГО ОЛЕНЯ	322
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ОЛЕНИХА	324
I. ОЛЕНИХА, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	324
II. СОЕДИНЕННЫЕ ОЛЕНИХА И ОЛЕНЬ, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНСКИХ СУПРУГОН	325
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. ЛАНЬ	328
I. ВРАГ ЗМЕИ	328

II. ЛАНЬ, ЕВХАРИСТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ	329
III. ЛАНЬ, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНСКОЙ ДУШИ	331
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ОРИКС ЕДИНОРОГ	332
I. ОРИКС В ПРИРОДЕ И У ДРЕВНИХ	332
II. ОРИКС В ХРИСТИАНСКОМ СИМВОЛИЗМЕ	334
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ФРОНТАЛЬНЫЙ РОГ ЖИВОТНЫХ	335
I. СИМВОЛИЗМ РОГА В ЭТНОЛОГИИ	335
II. РОГА В СИМВОЛИКЕ ЕВРЕЕВ И ХРИСТИАН	338
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. РОГ ИЗОБИЛИЯ	341
I. РОГ ИЗОБИЛИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ	341
II. РОГ ИЗОБИЛИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ	342
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. СЛОНОВАЯ КОСТЬ	345
I. СЛОН И СЛОНОВАЯ КОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИМВОЛИКЕ	345
II. СЛОНОВАЯ КОСТЬ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВО ВСЕХ ЭПОХИ	346
III. СЛОНОВАЯ КОСТЬ И ПРЕСТОЛ ПРАВОСУДИЯ ХРИСТА; ЭТИМАЦИЯ	347
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ПАНТЕРА. ГИЕНА	349
I. «НЕБРИДА» ИЗ ПАНТЕРЫ В ЕГИПТЕ	349
II. ПАНТЕРА В АНТИЧНОЙ ЕВРОПЕ	351
III. ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ХАРАКТЕР ПАНТЕРЫ У ДРЕВНИХ	353
IV. ПАНТЕРА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	354
V. ПАНТЕРА В ДВОРЯНСКОМ ГЕРБЕ	360
VI. ПАНТЕРА, ЭМБЛЕМА ВОЖДЕЛЕНИЯ	361
VII. ГИЕНА, СИМВОЛИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА ПАНТЕРЫ	362
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. ГЕПАРД. ЛЕОПАРД – СОБАКА	364
I. ГЕПАРД В ПРИРОДЕ И В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	364
II. ЛЕОПАРД	366
III. СОБАКА	368
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ХРИСТОС ОХОТНИК	370
I. ОХОТНИК, ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ХРИСТА ИЛИ САТАНЫ	370
II. ОХОТНИК, ОБРАЗ АПОСТОЛОВ	372

ГЛАВА СОРОКОВАЯ. РЫСЬ. КРОТ	373
I. РЫСЬ И ЕЕ НЕВЕРОЯТНОЕ ЗРЕНИЕ	373
II. РЫСЬ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	375
III. КРОТ, АНТИТЕЗА РЫСИ	377
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ. ВОЛК	379
I. ВОЛК И СВЕТ В МИФОЛОГИИ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ	380
II. ВОЛК В ТРАДИЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПСОВОЙ ОХОТЫ	386
III. ВОЛК В ХРИСТИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДА	388
IV. ВОЛК, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	390
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ. МАНГУСТ–ИХНЕВМОН	392
I. МАНГУСТ В ПРИРОДЕ И В ПИСАНИЯХ ДРЕВНИХ	392
II. МАНГУСТ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	394
III. ВЫДРА	395
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ. ЛАСКА	396
I. ЛАСКА ОБЫКНОВЕННАЯ	396
II. ЛАСКА И ДОИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ	396
III. СЕМЕЙНЫЕ КАЧЕСТВА ЛАСКИ И ВОСКРЕСЕНИЕ	398
IV. ЛАСКА, ВРАГ РЕПТИЛИЙ И ВАСИЛИСКА	399
V. ЛАСКА, ВРАГ КРЫС; «КРЫСИНЫЙ ШАР»	400
VI. ЛАСКА И ИДЕЯ ОЧИЩЕНИЯ	401
VII. ЛАСКА, ОБРАЗ ХРИСТИАНИНА	402
VIII. ПАГУБНЫЕ АСПЕКТЫ СИМВОЛИЗМА ЛАСКИ	402
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ. ГОРНОСТАЙ	404
I. ЛАСКА–ГОРНОСТАЙ В ЗООЛОГИИ	404
II. ГОРНОСТАЙ В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ	405
III. ГОРНОСТАЙ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ; ГОРНОСТАЙ И ВОСКРЕСЕНИЕ	406
III. ДРУГИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГОРНОСТАЯ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	406
ШЕСТАЯ ЧАСТЬ. СКАЗОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ	409
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ. ПЕГАС	411
ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ПЕГАС	411

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ. ГИППОГРИФ	416
I. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ГИППОГРИФ	416
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ. ЕДИНОРОГ	418
I. ЕДИНОРОГ ПЕРЕД ХРИСТИАНСКОЙ ЭРОЙ	418
II. АНТИЧНАЯ ЛЕГЕНДА О ЕДИНОРОГЕ	420
III. ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОГО ЕДИНОРОГА	423
IV. ЕДИНОРОГ, ЭМБЛЕМА ЧИСТОТЫ ХРИСТА	425
V. АНГЕЛ-ОХОТНИК В ХРИСТОЛОГИЧЕСКОМ СИМВОЛИЗМЕ ЕДИНОРОГА	426
VI. ПРОФАНИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ ЕДИНОРОГА	427
VII. ЕДИНОРОГ В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ	428
VIII. НОСОРОГ, АНТИТЕЗА ЕДИНОРОГА	430
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ. ПИРАССУАПИ	431
ДВУРОГИЙ ЕДИНОРОГ	431
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ. ШАМФЮР	433
ШАМФЮР ИЛИ ЗЕМНОВОДНЫЙ ЕДИНОРОГ	433
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ. КЕНТАВР	435
I. КЕНТАВР У ДРЕВНИХ	435
II. КЕНТАВР В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ; КЕНТАВР ХИРОН	437
III. КЕНТАВР И КЕНТАВРЕССА, ОБРАЗЫ ЗЛА И САТАНЫ	440
IV. СИЛЕНЬ	442
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. КЕНТАВР – СТРЕЛЕЦ	443
I. БОГИ СТРЕЛЬЦЫ	443
II. КЕНТАВР-СТРЕЛЕЦ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	445
III. СТРЕЛЕЦ И ЖИЗНЬ	448
IV. СТРЕЛЕЦ В АСТРОЛОГИИ	449
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ГРИФФОН	451
I. МИФ О ГРИФОНЕ	451
II. ХРАНИТЕЛЬ МОГИЛ И ЭМЛЕМА АПОЛЛОНА	454
III. ГРИФОН В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ	456
IV. ГРИФФОН – ПРОВОДНИК ДУШ НА НЕБО	458

V. ГРИФОН, ЭМБЛЕМА ДВУХ ПРИРОД И ДВОЙНОЙ ВЛАСТИ ХРИСТА	460
VI. ЭМБЛЕМА ПРЕМУДРОСТИ И СИЛЫ ХРИСТА	462
VII. ГРИФОН И ИЗУМРУДНЫЙ КАМЕНЬ	463
VIII. ГРИФОН, ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СВЯТЫХ	464
IX. ГРИФОН, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	466
X. ГРИФОН В ГЕРАЛЬДИКЕ	467
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. СФИНКС И СФИНГА	468
I. АНТИЧНЫЙ МИФ О СФИНКСЕ	468
II. СФИНКСЫ У ДОХРИСТИАНСКИХ НАРОДОВ	469
III. ТАЙНЫ СФИНКСОВ	473
IV. СФИНКС, ЭМБЛЕМА ЖИЗНИ И ВОСКРЕСЕНИЯ	474
V. СФИНКС И СВЕТ	476
VI. СФИНКС, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	478
VII. ТЕТРАМОРФНОЕ ТЕЛО СФИНКСА, ЭМБЛЕМА ХРИСТА	482
VIII. СЕРДЦА СФИНКСА И ЧЕЛОВЕКА	483
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ДРАКОН	484
I. «ДОБРЫЙ ДРАКОН» И ДРАКОНОВА КРОВЬ	484
II. ДРАКОН И БОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО	487
III. ДРАКОН В РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ КИТАЙЦЕВ	488
IV. «ДРАКОН ПОРОГА»	490
V. ДРАКОН, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	491
VI. ДРАКОН И РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА	496
СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ. СКАЗОЧНЫЕ ПТИЦЫ	497
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. ФЕНИКС	499
I. ПРИРОДНЫЙ ПРОТОТИП ФЕНИКСА	499
II. ФЕНИКС В КИТАЕ	500
III. ФЕНИКС У ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН	501
IV. ФЕНИКС У ГРЕКОВ И РИМЛЯН	503
V. ДОГМАТ ВОСКРЕСЕНИЯ В НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСТВА	505
VI. ФЕНИКС В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ	508
VII. ФЕНИКС, ЭМБЛЕМА ВЕЧНОСТИ	513

VIII. ФЕНИКС В ЛИТЕРАТУРНОМ СИМВОЛИЗМЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	515
IX. ФЕНИКС, ЭМБЛЕМА РАЗЛИЧНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ	518
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. РАЙСКАЯ ПТИЦА	521
I. РАЙСКАЯ ПТИЦА В РЕАЛЬНОСТИ И В ВЫМЫСЛЕ	521
II. РАЙСКАЯ ПТИЦА, ЭМБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ И ДУХОВНОЙ СИЛЫ	524
III. РАЙСКАЯ ПТИЦА, ЭМБЛЕМА ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА	525
IV. РАЙСКАЯ ПТИЦА, ЭМБЛЕМА СВЯТОГО ДУХА	526
V. РАЙСКАЯ ПТИЦА, ЭМБЛЕМА СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ ДУШИ	527
УДОД	527
VI. УДОД, ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА РАЙСКОЙ ПТИЦЫ	527
VII. УДОД, ЭМБЛЕМА СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ	528
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. КАЛАДРИЙ (РЖАНКА)	530
I. КАЛАДРИЙ-РЖАНКА В ПРИРОДЕ	530
II. КАЛАДРИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИМВОЛИКЕ	531
III. КАЛАДРИЙ В ИСКУССТВЕ И ГЕРМЕТИЗМЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	536
ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ. ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ	539
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. ЯГНЯТНИК	541
ЯГНЯТНИК В ИСКУССТВЕ ГОТОВ	541
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. СОКОЛ И ЯСТРЕБ	544
I. ОХОТНИЧЬИ ПТИЦЫ	544
II. СОКОЛ В СВЯЩЕННОЙ ИКОНОГРАФИИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА	545
III. СОКОЛ, ОБРАЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ У ЕГИПТЯН	551
IV. СОКОЛ В СИМВОЛИКЕ ИИСУСА ХРИСТА	552
V. СОКОЛ, ЭМБЛЕМА СВЯТОГО ДУХА	555
VI. «ВЗЛЕТАЮЩИЙ» В ГЕРАЛЬДИКЕ, ДВУСТОРОННИЙ ТОПОР «ЛАБРИС» И СВЯТОЙ ДУХ	557
VII. СОКОЛ РАБОЧИХ-КРОВЕЛЬЩИКОВ	558
VIII. ЯСТРЕБ, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	559
ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ. ГРИФ	561
I. НА ВОСТОКЕ	561
II. НА КАТОЛИЧЕСКОМ ЗАПАДЕ	563

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. СОВА. ФИЛИН	565
I. НОЧНЫЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ	565
II. СОВА И НОЧНЫЕ ПТИЦЫ У ДРЕВНИХ	566
III. СОВА И МУДРОСТЬ	568
IV. СОВА МИНЕРВЫ-АФИНЫ И ДАРЫ СВЯТОГО ДУХА	569
V. СОВА, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	570
VI. ФИЛИН, ОБРАЗ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА	572
VII. ФИЛИН, ЭМБЛЕМА САТАНЫ	575

ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ ХРИСТИАНСКОГО СИМВОЛИЗМА

Предисловие переводчика

Перед нами уникальная книга, которая должна была составить основу фундаментального труда Луи Шарбонно-Лассэ по происхождению, истории и развитию христианского символизма. К сожалению, автору не удалось осуществить свой замысел целиком: вмешались политические обстоятельства, и многое безвозвратно исчезло в лихолетье Второй Мировой войны. Однако по сохранившимся фрагментам, реконструированным благодаря усердию французских ученых, можно судить о многогранности и энциклопедической эрудированности Луи Шарбонно-Лассэ, христианского символиста, археолога, историка, краеведа, геральдиста, сигиллографа и нумизмата. Особо отметим, что он интересен не только тем, что внес весомый вклад в эти научные дисциплины, но и поскольку трудился на стыке сфер, занимающихся тонкими мирами и материями: религиоведения, богословия, египтологии, античной философии и культуры, ориенталистики, ересеологии, мистики, герметических знаний, христианской и иудейской эзотерики. В этом и заключается универсальность его книги как для всякого христианина, взывающего истину, так и для любого культурного человека, желающего расширить свой кругозор в столь редкостном для нынешнего времени символическом знании, вырастающем у Шарбонно-Лассэ в стройную символическую историософию. Кроме того, единожды раскрыв «Бестиарий Христа», читатель уже не станет упрощенно относиться к символам, как, вероятно, внушали ему до этого ограниченные и несведущие авторитеты или источники, и сможет обрести истинный смысл символического понятия, возможно, уже полностью утраченный в религиозном экзотеризме. Так или иначе, но для самого Шарбонно-Лассэ несомненно одно: символизм – это эзотерическая культура идей, потеря которой самым негативным образом отражается на религии и, следовательно, на обществе. Вот почему роль его книги сложно переоценить в наше беспокойное переходное время, когда, с одной стороны, правит поправление всех смыслов и нравственных норм, а с другой – фанатизм и невежество. Но первое и второе суть профанация или, выражаясь в духе Шарбонно-Лассэ, забвение религиозного символизма. Впрочем, сегодня мало кто об этом задумывается...

Вчитавшись в «Бестиарий Христа», понимаешь, что книга обладает полноценным энциклопедическим характером, как по структуре, так и по содержанию, чего, кажется, не отмечали французские исследователи, а потому, восстанавливая справедливость, ее первое русское издание мы сопроводили подзаголовком «Энциклопедия мистических существ и животных в христианстве». Вместе с тем, ее можно рассматривать и в качестве энциклопедии жизни средневековой Европы, где правил римско-католический

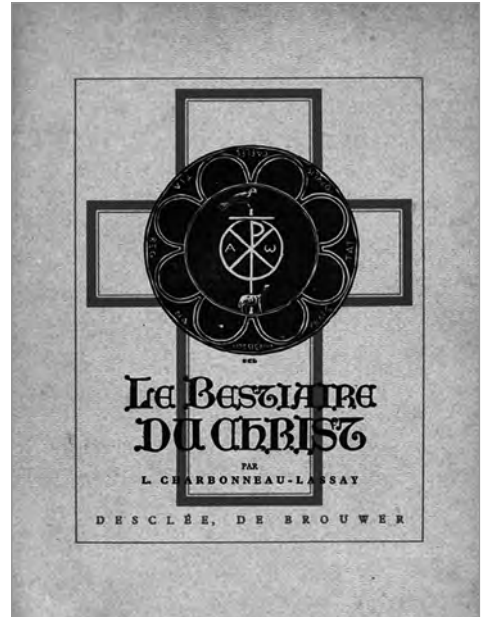
спиритуализм, процветали рыцарские и монашеские ордена, создавался легендарный цикл о Святом Граале, воздвигались блестящие произведения романской и готической архитектуры, а герметические философы в тиши монастырей или тайных убежищ трудились над трансмутацией металлов. Следовательно, «Бестиарий Христа» приобретает еще неоценимое искусствоведческое значение, и в этом плане может быть предпослан для изучения не только медиевистам, теологам, философам и эзотерикам, но и студентам, специализирующимся на истории искусств. Что ж, ничего удивительного, поскольку символ, по мысли Шарбоннэ-Лассэ, охватывает собой, как совокупность веры, знания и практики человека, так и бытие сверхъестественных существ, идей, если угодно, ангелов или эонов гностицизма.

Но обратимся к жизни и творческому пути автора этого без преувеличения шедевра христианской эзотерической мысли, сочинения, которое, несомненно, завоюет умы и сердца русскоязычных читателей, увлеченных религиозно-мистической тематикой и проблематикой.

ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ МАСТЕРА–СИМВОЛИСТА

Луи Шарль Жозеф Шарбонно родился 18 ноября 1871 года в Лудюне в Пуату в семье Луи Шарбонно (1837–1860) и Мари-Элен, в девичестве Шавено (1836–?). Его предки по отцу принадлежали, судя по всему к мелкому вассальному рыцарству, и фамилия Шарбонно упоминается уже в XI-м веке в документах региона Пуату. Господа Шарбонно владели многими земельными наделами и разделились на несколько фамильных ветвей. Упадок рода пришелся на Третью религиозную войну во Франции между католиками и протестантами. Тогда в 1568 году Гугенотская армия под командованием Генриха Наваррского, будущего короля Франции Генриха IV-го, осадила Лудюн и сожгла в его окрестностях множество культовых католических святынь, в том числе церквей, монастырей и коллегиальных капитулов, пройдясь огнем и мечом по сельским имениям дворянства и крестьянским подворьям, превратив все в руины.

Наследственные имения семьи Шарбонно были обращены в пепел, а вместе с тем уничтожены документы на дворянство. И с той поры пред-

Бестиарий Христа,
издание 1940 года

ставители рода уже не смогли подняться ни в имущественном, ни в статусном отношении, хотя и продолжали жить на своей родной земле. Отметим, что семью постигла участь многих дворянских родов Европы той эпохи, впавших в ничтожество, как, например, в Германии в период Тридцатилетней войны или в России после Смутного времени. Таким образом, менее, чем столетие спустя, предок Луи Шарбонно по имени Рене (1638 г. р.) уже в качестве простого земледельца появляется в документах маленького хутора Лассэ рядом с Лудюном, от которого и происходит вторая часть фамилии будущего выдающегося христианского символиста и эзотерика (кстати, Рене Шарбонно, предок Луи, умерший в возрасте 84-х лет со своей женой Жанной, урожденной Барбье, фигурирует в девяти налоговых реестрах хутора Лассэ).

Родившись в благочестивой католической семье и, несмотря на свое слабое здоровье, Луи получил хорошее начальное образование в школе, находившейся в ведении римско-католической религиозной Конгрегации Братьев Святого Гавриила. По завершении своего образования, пройдя послушничество, он был принят в эту конгрегацию под именем брата Рене (поскольку это имя носили несколько его предков, в том числе дед Рене Шарбонно, умерший в 1871 году на улице Святого Лазаря в предместье Лудюна) и начал свою учительскую деятельность в Пуатье. Одновременно он увлекся археологией под руководством Моро де ла Ронда, известного краеведа, и с 1892 года стал писать свои первые статьи по доисторическому периоду региона Пуату. Вскоре у него произошла судьбоносная встреча с ученым иезуитом отцом Камиллем де ла Круа, известным археологом, признанным научным сообществом своей эпохи. Последний убедил Шарбонно присоединиться к Обществу Антикваров Запада в Пуатье, в котором сам состоял. В этот период брат Рене уже активно сотрудничал с парижским Национальным антропологическим обозрением (*Revue Nationale d'anthropologie de Paris*) и стал членом Общества Археологии Нанта. Тогда же он начал собирать и коллекционировать археологические предметы и редкости. Но 1 июля 1901 года правительством радикального социалиста и франк-масона Эмиля Комба был принят закон «О праве конгрегаций», согласно которому с 11 марта 1903 года мужским религиозным конгрегациям запрещалось заниматься про-

светительской и преподавательской деятельностью (женским религиозным конгрегациям воспрещалось это делать с июля того же года). Закон стал первым этапом на пути к закону «Об отделении Церкви от Государства», принятому в 1905 году. Тот же Эмиль Комб до своей отставки в 1905 году успел разорвать дипломатические отношения с Ватиканом.

Некоторые исследователи отмечают, что семья Шарбонно в течение нескольких столетий подверглась второй раз потрясению за свою верность римскому католицизму, но теперь уже со стороны воинствующих атеистов. Брат Рене, не успев еще произнести вечных монашеских обетов, решил вернуться к гражданской жизни, продолжая оставаться, по его словам, верным своему Богу, своей религии и трудиться всей своей душой над исследованием и историей всего того, что касается Католицизма.

Шарбонно-Лассэ за работой

С тех пор он опубликует многочисленные статьи по археологии, и этот период жизни Шарбонно-Лассэ завершится написанием незадолго до начала Первой Мировой войны книги «История замков Лудюна по археологическим раскопкам господина Моро де ла Ронда» (“L’Histoire des Châteaux de Loudun, d’après les fouilles archéologiques de Monsieur Moreau de la Ronde”), увидевшей свет в 1915 году.

Следующий период определил его глубокий интерес к христианской символике и эмблематике, одновременно сделав из него иконографа-гравера, кистью и резцом запечатлевшего плоды своих наблюдений. Сюда же относятся его занятия нумизматикой, геральдикой и сциллографией: эти вспомогательные исторические дисциплины всегда играли важную роль в символизме. Кроме того, немало времени он уделил истории архитектуры своего региона Пуату.

Будучи назначенным в 1928 году корреспондентом парижской Академии Изыщных Искусств, он в рамках ее проекта Исторических памятников классифицирует многочисленные здания на своей малой родине в Пуату, по городам и весям.

В 1938 году он стоял у истоков создания Исторического общества Лудюна и являлся его председателем до своей смерти. Преемником Шарбонно-Лассэ на посту председателя этой организации стал его друг Пьер Деларош. Историческое общество Лудюна существует еще и сегодня.

Стоит отметить, что период тесного сотрудничества Луи Шарбонно-Лассэ с христианским эзотерическим журналом *REGNABIT* или *Универсальным Обозрением Священного Сердца* (“*Regnabit – Revue Universelle du Sacré-Cœur*”), основанным в 1921 году отцом Феликсом Анизаном, облатом Непорочной Марии, занимал семь лет с 1922 по 1929 гг. В этом журнале Шарбонно-Лассэ опубликовал много статей на тему Священного Сердца Иисуса Христа, пока в 1929 году, после прекращения выхода *Regnabit*, сам не возглавил руководство журнала *Интеллектуальное излучение Священного Сердца* (“*Le Rayonnement Intellectuel*”), по сути правопреемника *Regnabit*. Между прочим, участие в журнале *Regnabit* метафизика и основоположника интегрального традиционализма Рене Генона, публиковавшегося здесь между мартом 1925 года и ноябрем 1927 года, произошло по «прямой просьбе» к последнему со стороны Шарбонно-Лассэ. Впрочем, его знакомство с Геноном только подчеркнуло разнонаправленность путей обоих философов, ведь, по словам друга Генона Мишеля Вальсана (1907–1974), Шарбонно-Лассэ интересовался лишь христианской традицией, тогда как другой намеревался «показать совершенное согласие Христианства со всеми другими формами универсальной традиции». Некоторые из статей Шарбонно-Лассэ и сотни его замечательных гравюр на дереве, опубликованных в двух журналах, затем вошли в «Бестиарий Христа». Хотя *Интеллектуальное излучение* выходило столь ограниченным тиражом, что обнаружить его сегодня ни в публичных библиотеках Франции, ни иного зарубежья, не представляется возможным. К слову, журнал *Regnabit* был вынужден приостановить свой выпуск по наущению «антисектантских» групп католических экстремистов, для которых изучение эзотеризма примордиальных христианских символов являлось предметом франк-масонства и оккультизма и не могло занимать столько места в католическом обозрении.

В это же время, 1920-е и 1930-е гг., Луи Шарбонно-Лассэ предпринял контакт с католическими «инициатическими» братствами, существовавшими предположительно с XV-го столетия – Орденом Внутренней Звезды (*L’Estoile Internelle*) и Братством Рыцарей Божественного Параклета, правда их существование и оспаривается некоторыми публицистами. Тогда же он стал хранителем архива этих организаций, очень поспособствовавшего ему в исследовании христианского символизма. К рассказу о данных сообществах мы перейдем во второй части нашего предисловия.

Во время Второй Мировой войны его Луи Шарбонно-Лассэ в Лудюне был реквизирован немецкой оккупационной администрацией, но ему разрешили там проживать. И он продолжал заниматься своими исследованиями, насколько в ту пору ему могло позволить здоровье.

В 1933 году, когда ему уже исполнилось 62 года, Луи Шарбонно-Лассэ женился на мадмуазель Элен Рибьер, умершей десять лет спустя. Он ее пережил на несколько лет, почив в Бозе от неизлечимой болезни желез 26 декабря 1946 года и оставив по себе довольно богатый архив и несколько незавершенных рукописей. Ему было 75 лет.

ПРЕДТЕЧИ СИМВОЛИЗМА ШАРБОННО-ЛАССЭ В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ КРУГАХ

Возникает закономерный вопрос: были ли предшественники в мировоззрении и творчестве у Луи Шарбонно-Лассэ, и если да, то кто они? Несомненно, что наш выдающийся христианский символист появился никак не на пустом месте. Вообще, католическое богословское направление символической интерпретации возникла во Франции в революционный и постреволюционный период, и некоторые исследователи относят его к возрождению религиозного романтизма. В определенном смысле, символическую интерпретацию можно считать реакцией на произведения ученых из лагеря либеральной эволюционной теологии Франции и Германии, усиливавших критику в адрес Священного Писания и Священного Предания; среди них стоит упомянуть немцев Альбрехта Ритчля (1822–1889) и его ученика Адольфа фон Гарнака (1851–1930) и, конечно, выдающегося француза Эрнеста Ренана (1823–1892).

Здесь стоит отметить, что именно римско-католическая епархия Отюна рядом с Лионом сыграла важнейшую роль в попытке создания большой школы символической интерпретации, наследником которой стал Шарбонно-Лассэ. Одним из ее протагонистов являлся Жан-Батист-Франсуа Питра (1812–1889), выпускник семинарии в Отюне, бенедиктинский монах, переводчик Святого Пектория Отюнского, богослов, историк церкви, библиотекарь Святой Римской церкви (1869–1889), камерленго Священной коллегии кардиналов (1875–1876) и вице-декан Священной Коллегии кардиналов (1884–1889). В 1859 году Питра по поручению папы Пия IX посетил Россию для занятий в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга с целью изучения канонов и литургической практики православной церкви, и с тех пор прославился одним из лучших специалистов в области восточной догматики и русских церковных традиций. Свою жизнь эрудита Питра посвятил доказательству подлинности «Ключа» Святителя Мелитона Сардийского (II век), который считался до него принадлежащим перу псевдо-Мелитона, настаивая на непрерывности символического смысла в интеллектуальном учительстве церкви. В 1853 году Жан-Батист-Франсуа Питра писал по поводу своего труда о Святом Мелитоне Дому Геранже: «Мне представляется, что работа завершена, и я вправе заключить, что символизм – это наука...; традиционная наука, поскольку обладает рядом памятников и учений...; и в нем в особенности нет никакого места для частных воображений».

Другим предтечей Луи Шарбонно-Лассэ был барон Северен-Флорантен-Алексис Сарачага и Лобанов-Ростовский (1840–1918), создавший вместе с иезуитом Виктором Древонем Евхаристический музей Иерон, находящийся в коммуне Парэ-ле-Мониаль на юге Бургундии. Барон Сарачага и Лобанов-Ростовский родился в баскско-русской семье в Бильбао 8 ноября 1840 года: его отец барон дон Хорге Сарачага и Уррия-Нафаррондо, офицер Баденской армии, служивший затем дипломатом в России и женившийся здесь в 1837 году, состоял в родстве с семейством Святой Терезы

Авильской, происходящим от «новых христиан», крестившихся в ходе Реконкисты иудеев-сефардов Пиренейского полуострова; его матерью была княжна Екатерина Лобанова-Ростовская, родителями которой являлись князь Алексей Лобанов-Ростовский, министр юстиции России, и графиня Александра Кушелева, подруга русской императрицы (Руммель и Голубцов, Родословный сборник русских дворянских фамилий, 1886 год).

Алексей (Алексис) Сарачага и Лобанов-Ростовский в раннем возрасте потерял родителей (отец умер в 1842 году, а мать – в 1847), будучи отданным на воспитание деду с бабкой по материнской линии, проживавшими тогда в Париже, а затем в 1852 году – своему норвежскому дяде (брат Алексиса Гвидо и сестра Эсперанца умерли в младенчестве). Повзрослев, Алексис поступает в Федеральную политехническую школу в Цюрихе, но оставляет ее три года спустя, не окончив образования. В 1867 году молодой барон становится чиновником Министерства иностранных дел Испанского королевства в Мадриде. Затем работает в испанских дипломатических миссиях сначала в Париже, а затем в Санкт-Петербурге, с головой окунувшись в светский образ жизни северной столицы. На своей второй родине 19 января 1862 года он был именован императором Александром III бароном Алексеем Сарачаговым. Обнаружив ребенка, умершего от холода у дверей своей квартиры в Санкт-Петербурге, он решает отказаться от насыщенной светской жизни, которую до сих пор вел. По другой версии он обратился на христианское поприще под воздействием образа Священного Сердца Иисуса Христа, который им созерцался в одной из московских церквей. Как бы то ни было, но в 1873 году он встречает иезуита отца Виктора Древодна, задумавшего основание музея священного искусства в Парэ-ле-Мониале в Бургундии (французский департамент Саон-э-Луар). Он присоединяется к отцу Виктору в этом городе и берется за осуществление проекта и распространение своих идей. Виктор Древодн умирает в 1880 году, а барон Алексис Сарачага и Лобанов-Ростовский неустанно продолжает свою деятельность по созданию и развитию духовного евхаристического музея Иерон вместе со своими помощниками бароном Феликсом д'Алькантара, доктором Анри Фавром, его дочерью госпожой Бессоне-Фавр и ба-

Кардинал
Жан-Батист-Франсуа Питра
(1812–1889)

роном Феликсом де Роснэ (Rosnay). Дело в том, что в Парэ-ле-Мониаль в XVII-м столетии бургундской монахини Маргерит-Мари Алакок (1647–1690) в ходе видений Иисуса Христа было явлено Священное Сердце Спасителя; отсюда здесь и возник римско-католический культ Священного Сердца, отмечающийся на 19-й день после празднования дня Троицы-Пятидесятницы и в основном приходящийся на месяц июнь по Григорианскому календарю. Повторим, что журнал *Regnabit* и наследующее ему периодическое издание *Интеллектуальное излучение*, возглавляемое Луи Шарбонно-Лассэ, появились именно вокруг культа Священного Сердца. Впрочем, подчеркивается, что создание *Regnabit* имело место в июне месяце в канун празднования Священного Сердца. Некоторые астрологи и эзотерики отмечают, что поскольку месяц июнь – хозяин

летнего солнцестояния, постольку он связан с *Вратами человеческими*, противостоящими *Вратам Богов*, соответствующих зимнему солнцестоянию или Рождеству Христову. Понятия врат солнцестояния находятся в тесном соотношении с метафизикой Сердца. Вот почему сложно переоценить значение учреждавшегося в Парэ-ле-Мониаль евхаристического Музея Иерон, а по сути нового римско-католического святилища, через барона Алексиса де Сарачагу оказавшегося напрямую связанным с Россией. Воистину, в жизни ничего не творится случайного: смерть ребенка у порога жилища барона в городе его матери Санкт-Петербурге или созерцание Господнего Сердца в одной из московских церквей, а скорее всего и то и другое толкнули баскско-русского аристократа на кардинальное изменение своей жизни и служение Священному Сердцу.

Поначалу в планы отца Виктора Древодна входило приобретение коллекции картин и предметов, объединенных вокруг темы Евхаристии. Таким образом, Виктор Древодн явился автором идеи создания музея, а барон Алексис Сарачага и Лобанов-Ростовский стал главным ее исполнителем, меценатом и финансистом. Еще при жизни Виктора Древодна были приобретены значительная библиотека и произведения искусства, но настоящий музей предстояло еще соорудить, что осуществилось только десять лет спустя после ухода его в вечность, хотя работы разной сложности продол-

Алексис Сарачага
и Лобанов-Ростовский
(1840–1918)

Музей Шарбонно-Лассэ в Лудюне

жались еще с 1890 по 1894 гг. Музей вырос напротив здания Коломбьер, занимаемого иезуитами с 1873 года.

Фонды музея содержат многочисленные картины, скульптуры, священные предметы, а также один саркофаг и одну мумию, датируемую IV столетием до Рождества Христова и купленную бароном у антикара Пайе из Лиона. Присутствие этих артефактов иллюстрирует одну из основных мыслей Алексиса де Сарачаги, который рассматривал Египет как цивилизацию, находившуюся близко к Примордиальной традиции, где иероглифы и пирамиды являлись носителями потаенного смысла гностического и посвятительного характера.

Особо отметим, что Алексис Сарачага и Лобанов-Ростовский стал создателем и руководителем многих периодических изданий религиозной, дипломатической и просветительской тематики, выходивших в Парэ-ле-Мониале, среди которых: Царствие Иисуса Христа (*Le Règne de Jésus-Christ : revue illustrée du Musée et de la Bibliothèque eucharistiques de Paray-le-Monial 1ère année : 1883 – 6e année 1888*); Институт великопий Священного Сердца (*L'Institut des fastes du Sacré-Coeur: publication des travaux historiques sde l'association pour la reconstitution officielle de la chrétienté, de 1889 1894*); Новейший органон (*Le Novissimum organon: organe instructeur de l'enseignement mutuel, social, populaire, de 1895 à 1900*); Политикон (*Le Politicon: pour l'instruction supérieure diplomatique suivant les règles et disciplines du Sacré-Cœur en faveur du*

plus grand développement du génie chrétien 1901–1906) и Пам-эпопейон (Le Pam-épopéion: annales de l'École bardique et de l'École diplomatique internationales 1908–1910).

Кроме того, барон Сарачага и Лобанов-Ростовский был научным редактором и издателем следующих трудов: Исторические коллекции и собрания произведений искусства в евхаристическом Музее Священного Сердца в Парэ-ле-Мониаль (Les Collections d'histoire et d'art au Musée eucharistique du Sacré-Coeur de Paray-le-Monial : catalogue général des miracles eucharistiques d'après leur iconographie, statistique, bibliographie et relevé géographique Lyon 1888); Социальное Царствие Иисуса Христа (Le Règne social de J.-C. Hostie, bulletin de la Fédération du Sacré-Coeur fondée à Paray. 2 vol. 1886–1888).

На исходе XIX-го столетия папа Лев XIII пожаловал барона Алексиса де Сарачагу званием командора рыцарского Ордена Константина Святого Георгия. Некоторые французские исследователи христианской эзотерики напрямую связывают это с папской энцикликой *Annum sacrum*, где провозглашалось намерение Его Святейшества посвятить человеческий род Священному Сердцу Иисуса Христа.

В 1903 году Алексис Сарачага и Лобанов-Ростовский женился на Эйжени Шампион. Он умер в Марселе 4 мая 1918 года, 45 лет прожив в небольшом бургундском городе Парэ-ле-Мониаль, удалившись от светской жизни европейских столиц и оставив по себе свое главное детище – прекрасный христианский евхаристический Музей Иерон.

Исследователь Джессика Феррейра подчеркивала, что отображенные на конференциях и в периодических изданиях Иерона труды Алексиса де Сарачаги сродни мысли иезуита Афанасия Кирхера (1602–1680), искавшего универсальное знание там, где языки искусства и науки происходили от «адамического откровения».

Со своей стороны добавим, что личность нашего выдающегося соотечественника, создавшего единственный в истории христианства евхаристический музей, несущий символическую премудрость Священного Сердца, и являвшегося предшественником Шарбонно-Лассэ, до сих пор ждет своего российского исследователя. Пускай даже некоторые религиоведы полагают, что в последнее десятилетие жизни Алексиса де Сарачаги Коллегия Иерона стремительно приближалась к признанию идеи Всемирного заговора против христианства, и в докладах барона и его сотрудников все чаще стали звучать конспирологические и апокалиптические ноты, а также беспокойства по поводу грядущего конца истории. Хотя стоит признать, что на тот период Музей Иерон, задуманный еще и как центр сплочения творческой элиты римско-католического интегризма вокруг интеллектуального излучения Священного Сердца Иисуса Христа, выполнил свою роль.

**«ФИЗИОЛОГ» – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК
«БЕСТИАРИЯ ХРИСТА».
ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА.
СУДЬБА КНИГИ ШАРБОННО–ЛАССЭ**

В определенном смысле «Бестиарий Христа» является монументальным итогом всех бестиариев Средневековья, берущих свое начало от Александрийского Физиолога (в тексте перевода мы оставляем его латинское название *Physiologus*), синтетического сборника статей о животных, растениях и камнях, создававшегося со II-го столетия и связанного с деятельностью Александрийской Дидаскалии – христианской огласительной и правоведческой школы. В Дидаскалии готовили неофитов к главному христианскому таинству крещения. По своей сути, Дидаскалия стала первой христианской академией, основанной одним из древних епископов и существовавшей с начала II-го века. Ее имена прославили ранние христианские мистики и интеллектуалы – Святой Климент Александрийский и Ориген. Школа достигла своего расцвета к концу II-го века, когда помощником ее руководителя Пантена сделался Святой Климент Александрийский, возглавивший ее после кончины Пантена около 200 года. В 202 году при гонениях на христиан императора Септимия Севера Дидаскалия была закрыта, но вновь открыта через год, когда ее руководство перешло к Оригену, на огласительные проповеди которого стекались тысячи человек, многие из которых приняли мученический венец. Считается, что часть Александрийского Физиолога принадлежит если не самим Святому Клименту Александрийскому и Оригену, то узкому кругу их близких учеников, хотя самые древние фрагменты произведения создавались представителями первого поколения христиан после апостолов.

На самом деле, Физиолог это первая книга символических христианских истин, исполненная глубокого сакрального смысла, где живые существа, растения и минералы лишь отражения, как человеческих, так и метафизических добродетелей и пороков, отчего его стоит рассматривать цельной аллегорией бытия, а не естественнонаучным профаническим произведением, что неумело предпринималось; подобным образом считал аллегорией бытия библейского патриарха Еноха древнюю колоду карт таро французский мистик, эрудит и философ XVI-го столетия Гильом Постель, состоявший также в Обществе Иисуса и знавший его основателя Игнатия Лойолу. Посему нельзя не согласиться с цитируемым ниже мнением об этом произведении современного российского исследователя, путешественника и переводчика А.Г. Юрченко: «Загадка «Физиолога» волновала и будет волновать не одно поколение исследователей. «Физиолог» подобен черному квадрату, из которого самым непостижимым образом выросли удивительные цветы. Всемирно извест-

ный Единорог, отдающийся в руки Девы, впервые появляется именно на страницах «Физиолога». Сочинение, родившееся на переломе эпох, словно призвано соединить разрыв времен и культур, совмещая в кратких новеллах описания животных из античных сборников и христианское толкование. Попытка придать новое звучание занимательным языческим историям и выиграть от этого, кажется, удалась. Подобно двуликому Янусу, автор «Физиолога» обращает свои взоры одновременно в прошлое и будущее, а настоящее мыслится им как путь, усеянный соблазнами. Дьявол многолик и изобретателен, любой сомневающийся для него легкая добыча. На пути от грехопадения к Вечности неопитам нужны были узнаваемые ориентиры. Так родилась книга наставлений

Отметим, что каждая глава Александрийского Физиолога (всего их 49) двухчастна: в первой содержится описание животного и его повадок, во второй – нравственное символично-аллегорическое толкование в духе христианского вероучения. Источниками Физиолога являлись античные мифы, например о Медузе-Горгоне, библейские сказания, в том числе апокрифические (об изведении из ада Адама и Евы – в главе о слоне). Славянские переводы Физиолога возникли на болгарской почве не ранее XII–XIII вв., но сохранились только в русских списках XV–XVI вв. Хотя отдельные статьи Физиолога стали известными еще во времена Киевской Руси, очевидно, по одному из переводных Шестодневов. Несомненно, к Физиологу восходит описание горлицы в Поучении Владимира Всеволодовича Мономаха. Рукописная традиция славянского перевода александрийского памятника связана с Палеей Толковой, известны сборники XV-го века, совмещающие оба памятника, в том числе с миниатюрами, изображающими зверей и птиц. В Физиологе все статьи несут собой урок христианской морали, в том числе о животных: льве, слоне, олене, лисице, змее, ехидне, утrophe (антилопе); о птицах: орле, фениксе, горлице, неясны (пеликане), ластовице, дятле, стерце (аисте) и иряби (куропатке). Между прочим, свойство дятла клевать «носом своим», «где налезеть мякко древо» рассматривается в качестве слабого места в человеке, поиски которого ведет дьявол; невероятное омоложение ослепшего от старости орла уподобляется обращению грешника к церкви...

Однако самый ранний перевод Физиолога принадлежит армянским христианам. Его осуществили представители грекофильской школы, направления в армянской раннесредневековой литературе, приверженцы которого сосредотачивались в основном на переводах с греческого языка на армянский (к нему причисляют известных писателей: Мовсеса Хоренаци, Давида Керакана, Мамбре Верцаноха, Давида Анахта и Хосровика Таргманича). Сохранились рукописи армянского Физиолога от начала XIII-го столетия. Позднее с армянского перевода был сделан перевод Физиолога на грузинский язык.

Собственно переводы Физиолога с латыни на национальные европейские языки и его интерпретации деятелями молодых европейских ли-

тератур стали известны под именем бестиариев. Отметим, что в ткань своего повествования Шарбонно-Лассэ органично вплел, как пространственные фрагменты средневековых бестиариев, написанных в стихотворной форме, так обзор, описание и комментирование их с позиций римско-католического эзотерика XX-го столетия. В связи с чем «Бестиарий Христа» можно считать хрестоматией основных религиозных и светских бестиариев, начиная от Физиолога и до конца Эпохи Возрождения. И хотя Шарбонно-Лассэ занимают страны христианской ойкумены, впитавшие в себя древнеегипетскую, античную и иудео-христианскую культуры, тем не менее, он приводит, опираясь на сочинения католических миссионеров Общества Иисуса, данные и отрывки из древнекитайской литературы родственного жанра, в том числе из книг Шаньхай цзин (Каталог гор и морей; I в. до н. э.) и Ши цзин (Исторические записки; I в. до н. э.).

Согласимся, что жанр бестиария, порожденный эллинистическим древнехристианским Физиологом, оказался живым в мировой литературе второй половины XX-го и начала XXI-го столетий. Пусть с оговорками, поскольку он лишился своей изначальной христианской основы и структуры, к нему можно отнести произведения Джона Рональда Руэла Толкина (1892–1973) и другие сочинения в стиле фэнтези, повествующие о несуществующих тварях и животных. Это, безусловно, «Фантастический бестиарий» Кира Булычева и «Бестиарий» Анджея Сапковского, «Книга вымышленных существ» Х.Л. Борхеса и «Волшебные твари и где их искать» Джоан Роллинг. Впрочем, особенно произведения Толкина и Роуллинг ярко знаменуют собой мистику современного европейского секуляризма, несвязанную ни с какой религиозностью и традицией, а потому, по словам Рене Генона, соратника Шарбонно-Лассэ в *Regnabit*, контр-инициативны.

Хотя значение современных так называемых бестиариев нам еще предстоит изучить, но ценность древнего Физиолога очень точно выразил вышеупомянутый российский исследователь А.Г. Юрченко: «...Объективно «Физиолог» есть образец культурного синтеза, в ходе которого христианство из эзотерического учения небольшой группы единомышленников превратилось в культурную систему мирового значения, обладавшую всеми средствами для построения духовного универсума...» Согласимся, что именно это увидел в Физиологе Луи Шарбонно-Лассэ, когда, отталкиваясь от него, создавал свой замечательный «Бестиарий Христа».

Из иных выдающихся источников религиозного характера для «Бестиария Христа» упомянем здесь только об основных: двухтомном Трактате по христианской иконографии (*Traité d'iconographie chrétienne*) Ксаверия (Ксавье) Барбье де Монто (1830–1901), уроженца Лудюна, являвшегося в 1869 году камергером Папы Римского Пия IX и прелатом Дома Его Святейшества, и фундаментальном Словаре христианской археологии и литургии Анри Леклерка д'Орланкура (1869–1945), бе-

недиктинского монаха, сначала подвизавшегося во французском аббатстве Святого Петра в Солеме, а затем перебравшегося в Англию и служившего в монастыре Святого Михаила в Фарнборо. Окончил свои дни Анри Леклерк, оставаясь облатом монастыря Пресвятой Богородицы Сионской в Бейсуотере и клириком Вестминстерского римско-католического диоцеза Великобритании. Отметим, что его титанический труд – Словарь христианской археологии и литургии – вышел в соавторстве с приором Фернаном Кабролем (Fernand Cabrol; 1855–1937) в 15-ти книгах и 30 томах от 1907 до 1953 гг. К тому же, годы обоюдной симпатии и общения связывали в ту пору без преувеличения главного христианского археолога Анри Леклерка и главного христианского символиста Луи Шарбонно-Лассо. Добавим, что третьим стоящим в этом ряду клерикальным источником для «Бестиария Христа» послужил замечательный Словарь христианских древностей (Париж, 1865 год; 2-е издание 1877 года) неустанного исследователя римских катакомб аббата Жозефа Александра Мартиньи (1808–1880), еще и ныне пользующийся успехом среди европейских христианских интеллектуалов, хотя критики из лагеря либеральной науки в свое время отнеслись к произведению Мартиньи весьма скептически. Кстати, изначально труд почетного каноника Мартиньи должен был являться частью Универсального словаря восточных, греческих, латинских и средневековых древностей Даремберга и Сальо (*Dictionnaire universel des antiquités orientales, grecques, latines et du Moyen Âge*; Daremberg et Saglio), но благодаря своей значимости стал совершенно независимым сочинением. Нам представляется, что эта книга ждет своего часа перевода на русский язык. Что же касается источников светской направленности – литературоведческих и искусствоведческих, то о них достаточно сказано в тексте книги Луи Шарбонно-Лассэ.

Первое издание «Бестиария Христа» Луи Шарбонно-Лассэ увидело свет в 1940 году, когда Европа уже погрузилась в пучину Второй Мировой войны, из-за чего, в частности, спрос на книги подобного содержания резко снизился. В 1943 году большая часть тиража, находящаяся на складе издательства Дескле де Брувер (*Éditions Desclée de Brouwer*) в бельгийском Брюгге, погибла в результате бомбардировки авиацией союзников. Таким образом, «Бестиарий Христа» сразу же превратился в библиографическую редкость. 7 декабря 1996 года в рамках коллоквиума, организованного в Лудюне в честь пятидесятилетней годовщины смерти Луи Шарбонно-Лассэ, религиовед Пьер Луиджи Зоккателли (Pier Luigi Zoccatelli) (1965 г. р.), ныне профессор религиозной социологии Папского Салезианского университета, представил доклад по предыстории создания «Бестиария Христа». Он же явился переводчиком на итальянский язык этой книги в сотрудничестве с Лука Галлези и Стефано Сальзани, оба тома которой вышли в 1994 году в издательстве Arkeios. В 1999 году книга была переиздана по-итальянски, а в 1997 году увидел свет в издательстве Хосе Кла-

неты испанский перевод Франсиско Гутьерреса, переизданный в 2016 году. Английский перевод оказался самым ранним, выйдя в двух томах в 1991–1992 гг.

Первый русский перевод «Бестиария Христа» Луи Шарбонно-Лассэ выполнен по изданию, осуществленному французским издательством Альбен Мишель в 2011 году (Louis Charbonneau-Lassay, Bestiaire du Christ. Albin Michel, 2011). Все цитаты и фрагменты Священного Писания (Ветхого и Нового Заветов) сверены, согласованы и даны в соответствии с русским Синодальным текстом Библии (каноническим) по изданию «Библия тематическая с комментариями», «Библейская лига», 2004 год.

Владимир ТКАЧЕНКО-ГИЛЬДЕБРАНДТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом произведении я попытался представить точные значения эмблематических фигур, которые на протяжении христианских столетий были приняты для таинственного выражения личности Иисуса Христа в разных аспектах. Даже некоторые из этих идеограмм смогли бы снабдить нас материалом для отдельного и полного труда. По существу я должен был резюмировать их дохристианское и христианское прошлое, придерживаясь этого, ибо зачастую первое высвечивает второе и стоит у истока первичного из христологических значений эмблемы.

И только вдохновившись со стороны высоких интеллектуальных авторитетов, католических и других, я осмелился внести свой скромный вклад в содействие распространению явщего и более точного познания, а одинаково более достоверного понимания эмблематики, посвященной нашими отцами Искупителю мира; ведь должно полностью признать, что относящиеся к Нему эмблемы являются сегодня очень часто используемыми без всякого желательного различения художниками всех, впрочем, превосходных жанров, и что даже не малозначительные писатели иногда говорили с прискорбным неведением об истинных значениях, в которые их облекла христианская мысль древних столетий.

Тем не менее, со всех сторон и уже несколько лет подряд католические и протестантские круги, посвятельные или профессиональные организации, мир военный и мир коммерческий, артистические, интеллектуальные, политические или даже спортивные объединения вопрошают у Символики о воплощенном в эмблемах секрете не всегда новых, но разнообразных идей. И более всех, христианские души, влюбленные в ученость, умы, жаждущие развития в понимании вещей и священных искусств, обладают преимуществом попросить у древних христианских эмблем помощи об их тайнах, которые некогда были и всегда смогут быть для того, кто этого пожелает, чудесной пищей для духовной жизни.

По ходу этих страниц я не колебался иногда опираться на мнение замечательных ученых и авторов, произведения которых не только, порой, не соответствуют строгой католической ортодоксии, но даже полностью удаляются от нее: это происходило тогда, когда они, толкуя об истории, археологии, ориентализме, герметизме или традиционализме, говорили, что такая-то эмблема в определенных регионах и временах посвящалась Христу или просто божественному Слову, или же ей придавалось совершенно иное значение; об этом стоит думать соразмерно с их глубокими познаниями в данных областях, что совсем не влечет за собой никакого согласия с их прочими идеями.

Цитируя всякие свои информационные источники, я хотел не столько их выставлять по-ребячески напоказ, сколько позволить читателю обратиться к этим источникам, если он того пожелает. Одинаково я не имел

самоуверенности, которое бы оказалось тщетным, возводить в произведение искусства выгравированные мной самим картинку художественных документов, служащих основанием текста на этих страницах: вырезанные на рябиновых дощечках они были исполнены простым набором инструментов старых ксилографов XV века – перочинным ножом, стамеской и гравёрным резцом; несмотря на их несовершенство, суровой поддержки, которой они оказывают тексту, будет достаточно, и я осмеливаюсь надеяться, что с помощью нее можно хорошо воспринять и лучше постичь фрагменты, с которыми они связаны.

В преддверии этого произведения я выражаю благодарность тем из моих друзей, кто помогали мне различными способами в его осуществлении; и я сохраню по отношению к ним, в чем они могут быть уверены, весьма искреннюю и живую признательность.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАРОЖДЕНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИМВОЛИКИ И ЭМБЛЕМАТИКИ В ЦЕРКВИ

Мы увидим, что использование символов, магических или религиозных эмблем началось с объединением первых человеческих семейств, первых племен, и это использование продолжалось до нашего времени: оно будет продолжаться еще столько, сколько отмерено существовать человеку на земле.

Со всей очевидностью эти идеограммы могут восприниматься только благодаря познанию времен и человеческих кругов, их создавших, идей, существовавших в те далекие эпохи и в тех кругах, которые касались всемогущего Божества, Человека и участь его существа. Вот почему для того, чтобы понять истинный смысл символов, эмблем и атрибутов, посвященных Христу Иисусу христианским обществом, необходимо изучить замысел этого общества и рассуждать, как и оно: нельзя объяснить математические теоремы правилами живописи, а ботанические феномены принципами благородной геральдики или чудеса законов астрономии кулинарными предписаниями.

Чтобы понять в точности христологическую символику, нужно, как это делал учитель Эмиль Маль относительно христианской археологии в целом, проникнуться мыслью Церкви и говорить, веруя.

Итак, вот, что христианская и католическая Церковь нам говорит о своем основателе.

Христос жив.

Иисус Христос умер за нас, тело которого было распято на горе Голгофа, но Христос жив.

Его плотское растерзанное тело, полностью лишенное своей крови, упокоилось на дне могилы; тем не менее, Его божественное естество и человеческое естество, слитые в единой личности, оставили Христа живым.

И если его плоть, рожденная благословенной Девой между всеми женами, познала смерть, Он, с другой стороны, никогда не имел ни рождения, ни смерти; и смерть, которая разрушает, не постигнет Его никогда: Он есть Предвечный. Он является принципом и бессмертным ферментом всякой жизни, абсолютным господином жизни и смерти; вот почему Его оказавшееся мертвым тело вновь обрело жизнь, когда Он этого захотел светлым утром третьего дня.

Христос живой. Он живой в ослепительной жизни по ту сторону безмерностей, а на земле таинственной жизнью, облеченной материальными внешностями пресуществляющихся видов Его Евхаристии. Наши плотские очи совсем не видят Его, ибо они не созданы для восприятия Его, но души, ищущие

Его, обретают Его в каждом шаге, узнают Его и участвуют в Его жизни; ведь Он живет в тех, которые существуют в Нем, которые думают и действуют в согласии с Его Духом.

В свою очередь они Его делают живым иным способом в культе, воздаваемом Ему, в добродетелях их душ, плодах странных борений, в трудах их разумений, плодах трудолюбивых усилий. Он живет даже в тех, кто удаляются от Него и кто, отбросив Его закон, борются с Ним, делаясь, таким образом, служителями и агентами зла. И этот великий мертвый-живой занимает большее место между нами, нежели самые великие из живущих, которые проходят в потоке от колыбели до могилы.

Христос всегда живой!

Вот, что говорит Церковь.

И все символы, эмблемы, атрибуты, которые усердие христианских веков посвящало благословенному Христу, выражают только эту жизнь Предвечного Существа в своем двойном естестве Бога и Человека, Творца, Искупителя, Просветителя, Очищающего, Обучающего и Направляющего души; Его сакраментальную жизнь на алтаре; Его мистическую жизнь в душах; Его воздействие на тех и действие в тех, кто в Нем существуют, а одинаково на тех мятежников, борющихся с Его духом, ибо рано или поздно они Его встретят, в зависимости от своих трудов, милосердного или неумолимого судию.

Вот то, что выражает весьма разнообразными способами христологическая Символика.

Когда Иисус явился апостолу в Иудее и в Галилее, было много тех, кто Его приветствовали, как приветствовал Симон Петр по дороге из Кесарии: «Ты – Христос, Сын Бога Живого». И многие среди них, после того, как Он покинул землю, были изгнаны и преданы смерти за веру, которую они имели в Него и от которой они не желали отречься, зная, что Он живой, и вспоминая сказанное Им: «Всякий верующий в Меня, умрет и жив будет».

Очень быстро эта вера, оставленная Им для своих, распространилась от народа к народу, от Иерусалима до Рима, тогда венценосной головы мира.

Была основана христианская Церковь.

Но поскольку она несла собой в мир неслыханные догмы, новые идеи и неожиданные обязанности, суровую нравственность, обуздывающую злые страсти, кодекс внутренней дисциплины, регламентировавший все, вплоть до наиболее тайных желаний сердца и осуждавший его корыстолюбие, то служители зла и невежественные простаки объединились, чтобы ее уничтожить. В течение трехсот лет тысячи верных подверглись казни как худшие из злодеев, и культ Иисуса Христа мог быть сохранен лишь в таинственных пристанищах, где христиане скрывались, чтобы иметь возможность вместе ему поклоняться.

В Риме они искали прибежища в темном лабиринте подземных каменоломен, галереи которых перекрещивались друг с другом сложной сетью под различными кварталами города, сразу становясь некрополями для верных и первых храмов запрещенного культа.

Это было для них верной юдолью даже во времена преследований, поскольку наиболее уважаемый из римских законов облакал кладбища нерушимым покровительством. Но находясь в тенях этих огромных галерей, они совсем не могли укрыться от посредственных или злобных элементов, от которых всякая, даже малочисленная общность не в силах целиком устранилась: «ложные братья» существуют во все времена. Тем самым христиане вскоре увидели свою доктрину извращенной, свои догматы искаженными; и гнусные обвинения несправедливо возводились на них, откуда возникла необходимость посвящать лишь понемногу неофитов в интегральное познание догм и понимание христианских обрядов; и для тех, кто, таким образом, допускались постепенно к полному обладанию доктрины, было нужно установить обязательство соблюдения тайны, названное «дисциплиной секрета» (“*disciplina arcani*” – прим. пер.)

Она в особенности применялась к определенным статьям Credo (символа веры), а одинаково к крещению и евхаристии: не советовал ли сам Господь «не предавать собакам хлеб детей» и «не метать бисера перед свиньями»?

Многие из христианских авторов первых веков говорят об этом правиле соблюдения тайны: Тертуллиан, Феодорит, Святой Кирилл Иерусалимский, Святой Кирилл Александрийский, Святой Василий Великий, Святой Иоанн Златоуст и др. *Трактат об Иерархии* («О священноначалии» – прим. пер.), приписываемый Святому Дионисию Ареопагиту, но который, бесспорно, дошел с тех первых времен, его уточняет в следующих терминах:

«... Остерегайтесь сверх всего разглашать секрет священных таинств и не страдайте, что профанический свет в него нескромно проникает; создайте хорошую стражу вокруг. В этом должно быть очевидным лишь почитание, которое вы переносите на таинства сокровенного Бога; в остальном – секрет является нерушимым. Исключительно святым, но отнюдь не всем, принадлежит преимущество приподнимать край завесы, покрывающей святыне вещи...»

И через несколько страниц дальше мы читаем:

«Наши святейшие основатели, допуская нас к созерцанию священных мистерий, не разумели, будто все зрители могли проникнуть внутрь от их поверхности; это означает помешать им оставаться перегруженными от чествования стольких церемоний, откуда получается, что все единое является в себе неделимым и передается лишь понемногу небольшими частями в бесконечном разнообразии подробностей».

«И это не только по причине профанического большинства, которое не должно даже мельком видеть оболочку, покрывающую святыне вещи, но одинаково из-за немощи наших чувств и нашего собственного духа, *имеющего потребность в знаках и материальных средствах для восхождения к разумению нематериального и возвышенного*» (1).

Последнее замечание свидетельствует с абсолютной психологической точностью: именно для устранения этой немощи нашего естества и удовлетворения нужды все религии в мистериях были послушны обязательству создания символических рядов и эмблем, скрываемых строгой дисциплиной соблюдения тайны; так защищались Дельфийские, Элевсинские, Эфесские мистерии и др.;

так практиковалось в культах Митры и в орфических коллегиях. Даже вне факта преследования все знали о таинственной и иерархической дисциплине, удостоверяемой Пифагором словами: «Не является добром разглашение всего всем». И древние историки культов и мистерий обладали в памяти этим предписанием, следуя ему с верностью, о которой мы позволили себе весьма сожалеть (2).

Значит, наши первые понтифики сумели только адаптировать к христианской мысли меры покровительства, нежели другие способы, практиковавшиеся в ином месте перед ними.

Среди символов и эмблем одни восходят к слову; другие же возникли из области образных искусств. Первые состоят из наименований, выражений или аллегорических и условных фраз. Вторые являлись живописными, гравированными, изваянными или смоделированными представлениями образов, предметов или особенных знаков, передаваемых в точном смысле. Всякая эмблема, следовательно, обладает одним или несколькими присущими себе значениями; однако они могут быть своеобразно видоизмененными или наполненными, в зависимости от обстоятельств окружения, объединения или эпохи, относящихся к ее использованию: отсюда удивительное богатство мысли, скрывающееся под загадочной внешностью этих идеографических знаков.

И этот символический язык, процветший в святых катакомбах под неясными и таинственными лучами освященных ламп и в атмосфере героизма, исходящей от крови мучеников, покоящихся там, этот язык, чуждый всякому слову, но говорящий и понимающийся глазами, приобретает очень быстро великолепие выражения, коммуникативную потенцию жизни такой, какой она открывалась духам посвященных на восхитительных путях приближения к Богу. Еще более чем религиозные эмблемы Египта христианские эмблемы обладали в своей полноте «необъяснимой силой, дающей разумение божественным вещам» (3).

Бог, Иисус Христос, всякая возвышенность богословия, всякая божественная поэзия мистики и, порой, всякая высокая красота аскетизма представляются в глазах посвященного в мощной выразительности и зачастую в очень простых внешностях этих эмблем: рыбы, орлы, ибисы, фениксы, лебеди, львы, олени, агнцы, грифоны, змеи, гидры, пчелы, черви, кресты, якоря, корабли, сосуды, колеса, хлеба, виноград, деревья, цветы и плоды и сотни других существ, и сотни других вещей.

Разве не скажешь, что всякое животное, всякое растение, всякое светило, всякий предмет и всякий знак в искусстве катакомб первых христианских святилищ Европы, Африки и Азии на протяжении первого тысячелетия нашей эры имели эмблематический смысл?.. Но нет: фантазия, простое попечение декора, местные вкусы, обыденные вещи профанической жизни занимали большую часть в произведениях христианских художников. Выходит, нельзя никак преувеличивать; но, даже придерживаясь того, что бросается в глаза, нельзя запретить себе удостовериться в напряженном союзе ментальной жизни, который поддерживали эмблемы между разумом сведущего христианина и предвечным Христом, донатором и самым свидетельством вечных упований.

В действительности, в современном языке два слова *символ* и *эмблема* часто являются синонимами; и все же термин *эмблема* представляется более удовлетворяющим, нежели определение *символа* по отношению к идеографическим знакам, наделенным таинственным смыслом и выражаемым посредством человеческих искусств или берущимся в настоящем виде.

Итак, что же на самом деле представляет собой религиозная или иная эмблема, кроме видимого знака, посвященного для тех, кто в этом сведущ, естественным, сверхъестественным и идеальным вещам и разоблачающего их, как бы они не оценивались сами по себе?

Ученый-ориенталист Рене Генон сводит символ и, тем самым, эмблему к более сложному следующему определению: «Наименование «символа» в самом общем значении может применяться ко всякому формальному выражению доктрины, как словесному, так и образному ее выражению: слово не может иметь ни иной функции, ни иного смысла, кроме как символизации идеи, то есть передачи им по мере возможности чувственного представления, хотя и чисто аллегорического. Так понимается символизм, являющийся лишь использованием форм и составленных образов в качестве знаков идей или сверхчувственных вещей и язык которого предстает простым частным случаем, конечно, естественным для человеческого духа и, значит, необходимым и спонтанным. Одинаково в более ограниченном смысле желаемый, отражаемый и кристаллизующийся символизм присутствует до некоторой степени в образных представлениях наставлений доктрины; впрочем, между одним и другим нет, по правде говоря, точных границ, ибо очевидно, что писание в своем истоке было повсеместно идеографическим, то есть символическим по существу» (4).

Почти все эмблемы, посвященные личности Искупителя мира, представляли собой поочередно, в зависимости от условий их исполнения, Христа или верного христианина. Для живой веры этой ревностной поры христианин был воистину «другим Христом»; *Christianus alter Christus*, повторяли после одного из них все учителя доктрины; разве не писал Святой Павел: «Это больше не я живу; это Христос живет во мне». «Мы стали Христом, – говорит затем Святой Августин, – Он – голова, а мы члены; целостный человек: Он и мы», “*Christus facti sumus, si enim caput ille, nos membra; totus homo, ille et nos*” (5).

И те же самые эмблемы, так представлявшие собой Спасителя и христианина, иногда равно являлись эмблемами Сатаны, рассматриваемого, согласно слову Тертуллиана, в качестве «обезьяны Бога» и проклятого в звании антихриста. Таким же образом дело обстоит с рыбой, львом, цаплей и многими другими. Конечно, часто вмешивались декоративная фантазия или личные идеи благочестия, делая иногда трудно распознаваемыми подлинные намерения художников; но можно, тем не менее, полагать за определенное правило, что существовала реальная и установленная дисциплина христианской Символики и что благодаря ей эмблемы составляли неотъемлемую часть катехизиса религиозного посвящения на протяжении первых веков Церкви.

В Риме усердие по отношению к святым эмблемам ослабло после того, как Константин дал мир Церкви в начале IV-го столетия; но начиная с этой самой

эпохи и на протяжении последующих столетий, они использовались с наибольшим рвением в Галлии, Великобритании, Ирландии и даже на Востоке. Со времени первых христианских императоров и обращения первых варварских народов эмблемы Спасителя завоевали новую область – монетное искусство. Не представляли ли они, в действительности, для этого христианского нумизматического поля совершенную геральдику, позволившую оградить узкое монетное хождение многозначительным смыслом и духом веры? Отсюда поначалу проявится утверждение о социальном верховенстве Христа.

Позднее старинные эмблемы будут пронизывать все гербовое искусство и свод геральдических правил богатой и заключенной в них сущностью. Все общественное искусство при Капетингах во Франции будет вдохновляться ими: «Для Средневековья, – говорит Жевэр, – целостное мироздание было символом» (6). «Известно, что на земле все является символом, все является образом и что видимое расценивается в зависимости от того, что оно скрывает невидимого; следовательно, Средневековье не было жертвой обмана, каковыми мы предстаем в вероятностях, и изучало весьма тщательно это искусство (Эмблематику), имея в нем поставщицу и служительницу мистики» (7). Эта восхитительная эпоха человеческой жизни создавала даже новые эмблемы, снабжая некоторые из них, пришедшие из старого мира, новыми и удачными интерпретациями, хотя она и не осознавала того, что отдельные из эмблем ей или не понимались, или никак не адаптировались к ее роду благочестия – и особенно те среди них, что расцветали вдали от западных пределов.

Но если благодаря этому факту и многим другим причинам память людей предавала забвению очень древние символические знаки, ничто, однако, не погибло в этом падении; и когда рука их поднимает, выставляя на ясный свет их забытые смыслы, они поднимаются полные силы, чтобы обеспечить души пищей, которая порой кажется по-настоящему обогащенной, уплотнившись в безмолвии столетий, наподобие того, как случается со старинными эликсирами, которых долгие годы покоя под сенью наших подземелий одарили несравненной добродетелью.

Попытавшись объединить на следующих ниже страницах древние эмблемы, особо посвященные личности Иисуса Христа, я не дерзал быть нацеленным на создание труда специальной учености или искусства: они будут лишь простой популяризацией, основанной только на достаточной документации, чтобы объяснить их сущность. Именно так я пришел к заключению о большом числе этих эмблем, чем они являлись для человеческой мысли прежде их принятия христианской символикой.

-
- (1) Cf. LECORNU, *La mystique de la Messe*, in *Revue du Monde Catholique*, 1866, T. XIV, № 115, p. 226.
 (2) Cf. BIARDOT, *Explication du symbolisme des terres cuites grecques a destination funeraire*, p. 54.
 (3) См. А. MORET, *Mysteres egyptiens*, p. 5.
 (4) R. GUENON, *Introduction a l'etude des doctrines hindoues*, VII, p. 117.
 (5) Saint AUGUSTIN, *Tract. In Joannes*, XXI, 8–9.
 (6) GEVAERT, *L'Heraldique*, p. 37.
 (7) HUYSMANS, *La Cathedrale*, edit. Cres, T. II, p. 297.